

Шан Сююнь кивнул: отказываться сейчас было бы уже как-то неловко. Усевшись на место, которое только что занимал мужчина, Янь Лун, естественно, расположился напротив него — на то место, где сидела Хань У.

Тан Гуаньюй очень сообразительно убрал недопитый чай со стола и передал его стоявшему рядом слуге, после чего поинтересовался:

— Глава культа, не принести ли кувшин отборного Чжуецина?

Чжуецин был крепким вином, источавшим тонкий аромат бамбука, и как нельзя лучше подходил к случаю.

— Пусть лучше заварят чай и принесут сюда, — слегка нахмурившись, Янь Лун махнул рукой.

Впрочем, этим Защитником Дхармы по имени Тан Гуаньюй он остался вполне доволен. По сравнению с изнеженной Хань У и её привычкой то и дело забывать о своём месте, Тан Гуаньюй отлично умел оценивать обстановку и знал, что и когда ему следует делать.

Тан Гуаньюй всё понял с полуслова, и в его голове еще отчётливее уложилось, насколько важен Чжун Юнь для их главы. Он с лёгким презрением покосился на стоявшую рядом Хань У. Возможно, очень скоро он сможет стать главным среди четырёх Защитников Дхармы Демонического культа.

Шан Сююнь не обращал внимания на скрытое между ними напряжение и просто любовался пейзажем за окном беседки. Когда принесли чай и сладости, он охотно отведал угощения, приготовленные искусными поварами — это и впрямь доставляло удовольствие.

Однако не успел он осушить и чашку чая, как заметил человека в черном, который мчался с невероятной скоростью, явно выжав из своего цингуна все пределы. Вместе с налетевшим ветерком до него донёлся слабый запах крови. Стало очевидно, что этот человек в чёрном подвергся нападению. И проще всего было предположить, что праведные секты снова атаковали Демонический культ.

— Глава, Му Линьцин снова привёл на гору тех самозванных борцов за справедливость из боевых искусств, — переведя дыхание, выпалил человек в чёрном и добавил: — И ещё они требуют, чтобы мы выдали «демонического монаха» Чжун Юня, который предал Шаолинь, дабы храм покарал его по своим законам.

— Какая нелепость! Неужели они в самом деле считают наш культ глиняной фигуркой, которую можно мять и крушить как заблагорассудится? Раз уж они так слепы к собственному положению, я не против лично преподать им урок.

Уголки губ Янь Луна чуть приподнялись, в его словах сквозила небывалая ледяная стужа, а холод во взгляде заставлял стыть кровь в жилах.

Словно заметив его взгляд, Янь Лун перевел глаза на Чжун Юня:

— Не переживай. Всего лишь мелкая сошка. Я велю Тан Гуаньюю проводить тебя отдохнуть, я скоро вернусь.

Этот мягкий голос и нежный взгляд в сочетании с поблёскивавшими багрянцем глазами выглядели несколько жутковато, но почему-то заставляли верить каждому его слову. Провожая взглядом удаляющуюся фигуру Янь Луна, Шан Сююнь чувствовал, как в его душе поднимается всё более сложная и неразрешимая буря эмоций. Какого же исхода он добивался от этого человека, раз решил защитить его в самый трудный момент?

Слушая доносившиеся снаружи звуки бойни, казавшиеся порой такими близкими, будто они гремели прямо над ухом, Шан Сююнь поднял голову и взглянул на багровые отсветы на оконном стекле, после чего неспешно принялся вертеть в пальцах фарфоровый пузырёк.

Фарфоровые пузырьки, которые Янь Лун приказал приготовить для него, уже ждали в комнате, стоило ему только вернуться. Разнообразные узоры, богатая роспись — придраться было не к чему. Когда этот человек действительно пытался о ком-то позаботиться, вряд ли кто-то мог отказаться.

Солнце с южного зенита сместилось на запад и скрылось за горизонтом. Лишь тогда за окном наконец стихли звуки битвы. Шан Сююнь разжал пальцы, державшие фарфоровый пузырёк, снял верхнюю одежду и лёг на постель отдохнуть.

Когда он уже засыпал, в полудрёме, в его комнату кто-то вошёл. Запах крови, исходивший от незваного гостя, мигом прогнал весь сон. Тем не менее он ровно выстроил ритм дыхания, притворившись глубоко спящим.

Он не услышал ни единого шага, лишь по всё более отчётливому аромату крови понял, что тот приближается к кровати. А затем он ощутил на своих губах тепло чужого дыхания. Их дыхания переплелись, заставив его в изумлении распахнуть глаза.

Взгляды встретились, и в ту же секунду он узнал пришельца. Янь Лун?!

Видя, что тот проснулся, Янь Лун вовсе не собирался отступать. Поначалу это было лишь лёгкое касание губ — он тёрся своими влажными губами о пересохшие от нездоровья губы Шан Сююня. Затем же он прямо запустил язык внутрь, начиная их облизывать.

Словно опомнившись только сейчас, Шан Сююнь протянул руку, пытаясь оттолкнуть Янь Луна. В его глазах читалось неподдельное неверие. В прошлой жизни, как и в нынешней, Янь Лун должен был быть самым натуральным мужчиной без малейших странностей.

Пусть даже в прошлой жизни конец Янь Луна оказался столь плачевным, но поначалу он был наследником Демонического культа, которого «высоко ценил» глава, и вокруг него,

разумеется, вилось бесчисленное множество женщин. В нынешней же жизни ему было предначертано завязать романтические узы по меньшей мере с пятью девушками. И чувства этих женщин были настолько пылкими, что ради него они были готовы бросить абсолютно всё. С чего бы такому Янь Луну вдруг увлекаться мужчинами? К тому же он знал, что определенно любит женщин, иначе в первой жизни не погиб бы от рук юной девушки. Однако к чувствам между мужчинами он вовсе не относился как к чему-то неведомому. Пробыв столько лет Духом, привязанным к земле, он мог столкнуться с вещами самой невероятной вероятности. Отношения между мужчинами вовсе не были настолько редки, чтобы не происходить тысячелетиями; на самом деле, это явление довольно распространенное.

Янь Лун неотрывно следил за выражением его лица и, заметив, что в его глазах нет ни тени отвращения, мысленно невольно с облегчением выдохнул. Следом за этим в груди с еще большей настойчивостью забилося жадное желание. Ему хотелось заключить этого человека в объятия, соприкоснуться с ним губами и даже совершить с ним нечто куда более дерзкое. Разрушить это лицо — то святое и милосердное, то холодное и демоническое, но всегда исполненное отчужденности. Заставить его показать самую хрупкую сторону, заставить даже льнуть к нему...

Протянув руку, он положил ладонь ему на затылок и углубил поцелуй. Если бы Шан Сююнь не был ранен, он, пожалуй, смог бы оказать хоть какое-то сопротивление. Но сейчас, находясь в состоянии тяжелых ранений, Шан Сююнь был совершенно бессилен против Янь Луна.Пусти он в ход внутреннюю силу — пожалуй, не столько оттолкнул бы его, сколько навредил бы самому себе.

Разумеется, Янь Лун учитывал и это. Он перехватил другую его руку в свою ладонь и поднял над головой. Стоило Шану Сююню хоть малейшим движением попытаться задействовать внутреннюю силу, как тот мог бы вовремя приложить руку к его меридианам и силой внутренней силы пресечь это, не причинив ему при этом никакого вреда.

Не имея возможности вырваться физически, Шан Сююнь слегка приоткрыл губы, собираясь что-то сказать. Это как раз сыграло на руку Янь Луну: кончик его языка без колебаний вторгся в чужой запретный предел. Поймав его прохладный и мягкий язык, он сплел их в тесном танце, в котором таилась неожиданная для его внешности нежность. Но в то же время в этом ощущались его раскаленные чувства и все отчетливее проступающее плотское желание.

Янь Лун прекратил движение, пока еще был способен себя контролировать; его дыхание было чуть более частым, чем обычно. Ощутив, как прижатое к постели донельзя напряженное тело постепенно вновь обретает мягкость, он отпустил руку, которую удерживал над его головой.

Шан Сююнь тоже отвел ладонь, которой до этого упирался ему в грудь. На его ладони отчетливо отпечатались багрянец чужой крови. Лежавшее на нем ватное одеяло теперь и вовсе покрылось темными пятнами. Бояться было нужно лишь того, что этот запах крови останется с ним на всю ночь.

— Хорошо.

Янь Лун на мгновение замер. Бесчисленное множество раз он представлял себе реакцию Чжун Юня на его чувства, но ни разу не думал о подобном исходе. Настолько все спокойно — казалось, это чувство вовсе его не касается или же не имеет никакого значения. Каким бы ни был вариант, это все равно лучше, чем вызвать у него отвращение. К тому же он не отверг его приближение, а это значило, что у него есть шанс навсегда остаться рядом с ним.

В мире говорят, что глаза — зеркало души, но глаза могут лгать, и он сам был на это способен. А вот пульс — нет. Если бы кто-то мог управлять собственным сердцебиением, такого человека уже нельзя было бы назвать нормальным. Очевидно, что, сколь бы высок ни был уровень боевых искусств Янь Луна, он все же оставался человеком.

Шан Сююнь лежал на постели, повернув голову набок, а рассыпанные по плечам длинные волосы падали на простыню. Лунный свет, пробивавшийся сквозь окно, падал на его бледное лицо, отчего его изящные черты казались еще более неземными. Когда Янь Лун попытался приподняться, Шан Сююнь без колебаний ухватил его за ворот одежды. Расстояние между ними сократилось настолько, что они отчетливо слышали дыхание друг друга.

Он слегка прищурил свои персиковые глаза и изогнул губы. Его голос утратил прежнюю звонкость, став глуховатым:

— Ты уверен, что я — тот, кто тебе нравится?

Дыхание Янь Луна сбилось, взгляд намертво приковало к лицу Шан Сююня. Позволив так бесцеремонно схватить себя за воротник, он словно ничего этого не замечал, продолжая смотреть в те слегка прищуренные глаза. К сожалению, на сей раз он уже не мог разобрать эмоций этого человека.

— Конечно.

Хотя он никогда прежде никого не любил, это не мешало Янь Луну безошибочно распознавать любовь. Дела Шан Сююня он ставил выше собственных, и ту тревогу, что охватила его, когда тот исчез из поля зрения, он совершенно не желал испытывать во второй раз.

Шан Сююнь, казалось, и сам понял, что задал глупый вопрос: симпатия Янь Луна определенно была искренней. Пусть его слова и выражение лица могли оказаться фальшивыми, но сердцебиение — никогда. А столь умный человек, как Янь Лун, не мог не знать, чего он добивается.

— В следующий раз приведи себя в порядок, прежде чем заходить в комнату.

Шан Сююнь разжал пальцы, сжимавшие его воротник, и на его белых пальцах неминуемо остались следы крови. Одежда, что прежде лежала на нем, теперь пестрило кровавыми разводами.

— Хорошо.

Янь Лун слегка опешил. Он тысячу раз прокручивал в голове момент, когда Чжун Юнь узнает о его чувствах, но никогда не предполагал такого исхода. Столь ровная реакция — словно эти чувства не имели к нему никакого отношения или были пустяком. Любой из этих вариантов был неизмеримо лучше отвращения. Более того, Шан Сююнь не оттолкнул его, а значит, у него есть шанс навсегда остаться рядом с ним. Опустив голову, он бросил взгляд на собственный воротник, а затем на стеганое одеяло, укрывавшее Чжун Юня, и, не таясь, велел стражникам принести новое. Сам же отправился в боковую комнату, чтобы привести себя в порядок.

Шан Сююнь не обратил внимания на действия Янь Луна и, укутавшись в новое одеяло, закрыл глаза. Хотя он был крайне удивлен чувствами, которые питала к нему Янь Лун, подобное отношение несло ему лишь пользу и никаких проблем. По меньшей мере, его безопасность теперь была гарантирована. В романе женщины из окружения Янь Луна купались в роскоши, богатстве и беспредельной власти. Не было причин полагать, что все изменится, когда дело дойдет до него, назначанного истинной любовью.

Его запросы всегда были скромны — он всего лишь хотел выжить. Ради этой единственной цели он был готов на все. Стать для всех предателем, временно поступиться собственной гордостью или же сыграть на чувствах. Шан Сююнь из прошлой жизни, быть может, и был святым, но нынешний Шан Сююнь являлся лишь эгоистичным обывателем. Эгоизм и себялюбие за долгие годы вросли в самую его кость, и искоренить их было уже невозможно.

Когда Янь Лун освежился и вернулся, Шан Сююнь уже спал. Слегка наклонившись, он еще раз запечатлел поцелуй на его губах, не вызвав при этом никакой ответной реакции. Тем не менее Янь Лун остался чрезвычайно доволен: раз Чжун Юнь смог уснуть в его присутствии, значит, начал испытывать к нему хоть какое-то доверие. Применив внутреннюю силу, Янь Лун чуть сдвинул его тело вглубь кровати, лег рядом на бок и тоже закрыл глаза.

На следующий день, когда Шан Сююнь проснулся, его сосед все еще крепко спал. Он занимал две трети широкой постели, а на оставшейся трети лежал на боку Янь Лун. Его рука покоилась на талии Шан Сююня в защитном жесте. В таком положении, кто бы ни ворвался в комнату, он мог в мгновение ока заслонить собой возлюбленного, превратившись в живой щит.

Шан Сююнь решил не вставать сразу и прямо в постели проверил состояние своего тела с помощью внутренней силы. Однако солнце уже поднялось высоко и залило комнату лучами, а человек рядом даже не думал просыпаться.

В конце концов Шан Сююнь слегка шевельнулся, и Янь Лун тут же проснулся, как и предполагалось. В его взгляде мелькнули бдительность мастера боевых искусств и капля убийственного намерения от резкого пробуждения. Но стоило его взору столкнуться с Чжун Юнем, как глаза вновь стали мягкими, словно водная гладь. Выражение его лица оставалось сдержанным — не пугающим, а лишь согревающим сердце.

Шан Сююнь поднял подбородок, призывая его взглянуть на небо. Янь Лун проследил за его

взглядом в сторону окна, и яркий солнечный свет заставил его на миг замереть. Как давно он не спал так крепко и безмятежно?

Янь Лун поднялся с постели: сегодня ему действительно предстояло велеть подчиненным подсчитать вчерашние потери и трофеи культа. Под его предводительством ученики Демонического культа одержали полную победу, и даже Му Линьцин был полностью лишен боевых искусств. Потери храма Шаолинь оказались чуть меньше, поскольку Янь Лун все еще не мог до конца понять, сохранил ли Чжун Юнь какие-то чувства к своей прежней обители.

В конце концов, храм Шаолинь был местом, где Чжун Юнь прожил почти двадцать лет. Монахи обители, должно быть, казались ему самыми близкими людьми.

По крайней мере, в ближайшее время ему не придется беспокоиться о том, что адепты праведного пути снова заявятся в культ: после этого столкновения им потребуется не один год, чтобы оправиться.

Уже у самого порога Янь Лун неожиданно замер и обернулся к Чжун Юню: Весть о твоём нахождении в культе просочилась из-за Хань У. Вчера она отправилась туда, куда ей и положено. Он не хотел никаких недомолвок между ними. Янь Лун искренне желал защитить Чжун Юня — здесь не было места расчету, лишь чистая любовь.

Шан Сююнь кивнул. Как же изменчива судьба: Хань У, эта главная героиня и, по всей видимости, первая женщина главы Демонического культа Янь Луна, так просто и бесславно погибла от рук того, кого любила больше всего.

Проводив Янь Луна взглядом и дождавшись, пока тот бережно прикроет за собой дверь, он наконец поднялся. Поднеся руки к лицу, он ощутил едва уловимый аромат, исходивший из-под ногтей — это был разработанный им яд. Он не верил, что Янь Лун, тщательно обыскавший его вещи, ничего не заметил. Раз так, и при этом тот смог так спокойно и безмятежно спать рядом... Подобная проверка на прочность ценой собственной жизни казалась верхом глупости, но... в то же время согревала душу.

Шан Сююнь не мог ответить взаимностью на чувства Янь Луна, но и не жалел своего общества. Пусть даже эта совместная жизнь продлится до самого конца — наслаждаться чужой заботой до конца дней и иметь надежный кров... как ни крути, это был выигрыш в чистом виде.

Он знал, что начисто лишен доверия к людям. Сейчас его чувство к Янь Луну можно было назвать симпатией. Но эмоции так переменчивы — кто знает, что будет завтра? Можно ли действительно доверять Янь Луну? Быть может, время рассудит всё...

Снова ощутить смерть — каково это? В первый раз всё было заполнено лишь глухой обидой и нежеланием сдаваться, но теперь не осталось ни малейшего сожаления. Пусть он уже ничего не видел, но знал: на его губах наверняка застыла безмятежная улыбка.

Всю свою жизнь он посвятил погоне за вершинами боевых искусств. Ему удалось не только довести до совершенства усвоенные буддийские практики, но и постичь до конца техники Демонического культа. Более того, совершив небывалое в истории, он объединил два противоборствующих типа внутренней силы. Поначалу эта процедура причиняла невыносимую, сводящую с ума боль, но в конце концов он добился своего. Если и существовала на свете профессия, досконально знающая человеческое тело, то это, без сомнения, были врачи. Медицина сыграла огромную роль на его пути боевых искусств.

Однако, как бы упорно он ни старался, ему так и не удалось догнать Янь Луна. Впрочем, он понимал, что иным людям достается удача, которой можно лишь завидовать. Янь Лун был баловником судьбы, любимцем небес, в то время как сам он оставался лишь песчинкой в море простых смертных. И все же, в отличие от остальных, он получил безраздельную любовь этого избранника небес.

В полузабытии всплывали воспоминания о решительном и одновременно умиротворенном лице Янь Луна. Они ушли из жизни в один и тот же миг. Тело Чжун Юня, разумеется, угасло от старости, а Янь Лун принял заранее приготовленный яд — зелье, против которого не устояла бы никакая, даже самая мощная внутренняя сила. Этот яд действовал так, что человек засыпал вечным сном с безмятежным выражением лица. Разумеется, состав был делом рук самого Шан Сююня: он даровал уход из жизни без малейших страданий. В далеком технологичном будущем тысячелетий спустя у этого существовало емкое название — эвтаназия.

Они заблаговременно подготовились к сегодняшнему дню, а потому уходили с равным спокойствием. И всё же Шан Сююнь до сих пор не мог понять природу этой одержимости Янь Луна.

Говорят, перед смертью люди любят предаваться воспоминаниям. Шан Сююнь тоже невольно оглянулся на прожитую жизнь. Пусть в глазах многих он оставался демоном и предателем, сам он прожил годы в свое удовольствие. И если он перед кем-то и был виноват, то вовсе не перед теми, кто верил сплетням, или самозваными защитниками праведности из боевых кругов.

Единственным, перед кем он действительно чувствовал долг, оставался человек рядом. Янь Лун отдал ему всё свое доверие, вложив в его руки весь Демонический культ и собственную жизнь. Сам же Шан Сююнь так и не смог ответить на это равной страстью; даже испытывая к нему привязанность, он был лишен той фанатичной решимости переплести судьбы на жизнь и смерть.

На секунду в сознании возникла пустота, но долгожданная смерть так и не наступила. Стоило ему открыть глаза, как перед ним предстала совершенно иная картина. Беспрерывно сменяющиеся образы в голове помогли осознать реальность незнакомой обстановки.

— Всего лишь ничтожный простолюдин, а еще возомнил, будто у него есть хоть какая-то гордость. Просто смешно. — Презрительный голос отчетливо врезался в слух Шан Сююня, заставляя его нахмуриться. Сколько лет прошло с тех пор, как кто-то смел разговаривать с ним в подобном тоне?

Хоть в душе и всколыхнулось мгновенное убийственное намерение, лицо Шан Сююня осталось абсолютно бесстрастным, не выдавая ни гнева, ни радости. Подняв взгляд, он посмотрел на стоявшего перед ним парня с волосами цвета морской волны. Тот обладал невероятно тонкими чертами лица, которые, впрочем, для мужчины выглядели чересчур женственными. Из-за злобного выражения это изящное личико казалось крайне неприятным.

— Он всего лишь прихвостень, которого можно выгнать из академии по любому пустяку. Юному господину Лайрейле не стоит обращать на него внимания. А если вам хочется с ним расправиться... мы можем сделать это сами. Робин ни капли не стыдился своего подбострастия, даже гордясь им. Этот Лайрейл был младшим господином из рода Азас, и если задобрить такую персону, вся его дальнейшая жизнь пойдет как по маслу.

— Хм, еще руки о него марать! — Лайрейла заносчиво развернулся и зашагал прочь. Окружающие послушно расступались перед ним, подтверждая его высокое положение в стенах академии.

Шан Сююнь не обратил внимания на их болтовню, хотя и уловил множество враждебных взглядов со стороны. Тело, в котором он очутился, звали Ангес, и, как они только что выразились, он принадлежал к простолюдинам этого мира. По сравнению с той эпохой, которую он покинул перед переходом в древность, здешний мир обладал куда более развитыми технологиями, и его вполне можно было назвать будущим. У каждого имелся собственный световой мозг, а полномасштабные виртуальные игры давно перестали быть мечтой. Технологии достигли заоблачных высот, превратив интернет во вторую реальность.

Строительство небесных городов и вовсе четко разделило людей по сословиям. В высотных мегаполисах обитали исключительно аристократы, в то время как простолюдинов высший свет презрительно именовал низшими созданиями.

Место, где он находился, звалось Империей Уэйфред, и правили ею несколько влиятельных семей, среди которых выделялся род Азас. Привилегированное положение аристократии в государстве объяснялось превосходной генетикой: они обладали врожденной способностью давать потомство, чьи тела были приспособлены для управления мощными меха.

Физические данные простолюдинов не позволяли им пилотировать меха — ни их телосложение, ни показатели духовной энергии не шли ни в какое сравнение с возможностями сильных мира сего.

<http://bllate.org/book/21693/2237490>